

Возвращаясь к Ла-Менардьеру, следует сказать, что он человек вбало-мошный, но отнюдь не лележда; однако это один из самых скверных поэтов, которых я когда-либо встречал. В своей книге стихов он вздумал писать курсивом то тут, то там отдельные слова. Никто не мог понять, почему он это делает. В одном из стихотворений он таким вот образом выделил слово «любовь». Я попросил у него объяснения. «Кое-кто из моих друзей, — ответил он, — посоветовали мне отмечать то, что я считаю самых сильным в своих стихах». Сент-Аман, которому я это рассказывал, заметил: «Я думаю, что он таким образом хотел отметить самое слабое место». Ла-Менардьер сетовал на Шаллена, что тот, по его словам, не отдает ему визитов. Оказалось, что поводов у него для этого мало; а тем временем его глупые сетаования и другие нелепости убедили всех, что он и дю Риваж — одно лицо. Ла-Менардьер невероятно тщеславен: он опубликовал в «Газетте», что с ним ведутся переговоры о назначении его на должность королевского теща.

И вот состоялся суд по поводу этих критических заметок дю Риважа. Когда о них зашла речь в Совете, г-н Канцлер, который не жалуется Шаплена за то, что тот ничего не написал в его хвалу, заявил: «Эта книга попросту высмеивает „Девственницу“». Однако в Академии Канцлер принес Шаплена извинения за то, что скрепил своей подписью королевскую привилегию на право ее издания, и сказал, что это произошло случайно. В конце концов процесс между двумя издателями закончился их примирением.

Г-н Шаплен похвывается, что знает итальянский язык лучше самих итальянцев. Однако он проиграл спор с Менажем о том, кому из них вынесет лучшее суждение Академия *della Crusca*,¹² которой они оба написали по-итальянски и которая их обоих посрамилла. А совсем недавно в отношении итальянского языка произошла еще одна забавная история. Ренси написал мадригал, где хороши разве только конец:

Не снызойдя к моей любви,
К моим страданьям снызойдите.

Этот господин был как пельза более удовлетворен своим мадригалом, и вся «Суббота» рукоплескала ему. Менаж, который тоже там передко бывает, вздумал шутки ради написать итальянский мадригал в пасторальной манере, в коем говорилось примерно то же самое. Он дал Ренси эти стихи, сказав, что нашел их у Тассо. После того как Ренси чуть ли не сто раз поклялся, что ни у кого не украл этой мысли, Менаж признался ему в своей проделке; но чтобы лишней раз позабавиться, он отослал и французский и итальянский тексты Шаплена, дабы узнать его мнение. Шаплен, который всегда принимает сторону живых, оказался в большом затруднении. Он высоко чтит память Тассо, но г-н де Ренси адравствует и поныне — и он член «Субботного кружка». И паш Поэт находит уловку: он заявляет, что — поскольку, мол, пасторальный стиль